

ЗАХЛЕБНУЛАСЬ ТУМАНОМ ОКРУГА...

*Захлебнулась туманом округа,
Словно облачный вышел обвал.
Слабый голос
Ушедшего друга,
Как с большой глубины,
Выплывал.*

В. КОРОТАЕВ

В середине восьмидесятых годов в Красноярске я заочно познакомился с большим поэтом и моим будущим другом Виктором Вениаминовичем Коротаевым.

Живя в Омске, я приехал к красноярским друзьям в отпуск и попал на творческий вечер В.П. Астафьева. Виктор Петрович много говорил о своем вологодском периоде, о том, что с давних пор вологодская земля наполнена талантами, потому что таится в ней многовековая духовность. Он рассказывал о Вологодчине, о ее поэтах и писателях, но почему-то из всех выделил Виктора Коротаева, как человека и поэта, наиболее близкого ему по духу, и прочитал несколько его стихотворений, первые строки одного из них навсегда запали мне в душу.

Ну что, казалось бы, такого...

*А я ликую и свечусь,
Едва услышу это слово
Совсем коротенькое -
Русь.*

Виктор Петрович говорил, что Виктор Коротаев имеет в себе огромный запас нравственных сил как в жизни, так и в творчестве, предельно честен и никогда не поступает ни в чем своим поэтическим даром, в его строчках звучит высокая и чистая душа поэта:

*Прекрасно однажды в России
родиться
Под утренний звон золотого овса!
Твое появленье приветствуют
птицы,
Сверкают, на солнце искрясь,
небеса.*

*Пока, озабочены снами твоими,
Ромашки гадают о новой судьбе
И ветром достойное ищется имя,
Кукушка пророчит бессмертье
тебе.*

После вечера жена моего друга, прекрасный преподаватель литературы и большой любитель поэзии, сказала, что Виктор Коротаев сложен своей небывалой поэтической простотой и безграничен любовью к Родине и ко всему русскому.

В 1988 году Министерство культуры направляет меня на работу в Вологду в качестве директора драматического театра. Разворачивающаяся в стране «перестройка» принесла на сцены театров в небывалом количестве русскоязычную драматургию, так называемую «чернуху» - пьесы о ГУЛАГах, о сталинских репрессиях, об «интердевочках», комедии типа «7-40», начинающую всплывать пошлятину, «порнуху» и тому подобное. Не удержалась от соблазна и наша вологодская драма, поставив «Детей Арбата» и «Звезды на утреннем небе». После короткого взрыва интереса к «запретной теме» зритель интуитивно почувствовал, что ему пытаются подsunуть грязную пустышку, и перестал посещать театры. Не только в Вологде, но и в Москве и Ленинграде зрительные залы театров были на две трети пусты.

Понадобилось более десяти лет, чтобы русскоязычная драматургия и режиссура воспитали своего не очень притязательного зрителя и приучили его, мягко говоря, к не лучшим образцам театрального искусства. О разнице между русской и русскоязычной драматургией и режиссурой я писал и говорил, за что в определенных кругах меня назвали антисемитом. Эта тема сегодня, как никогда, актуальна и заслуживает отдельной статьи. «Не принимайте близко к сердцу

*Любое горе
И печаль...» -
Что ж,
Поделишься
Иноверцу
Расхожей мудростью
Не жаль.
Его религия,
Как мета
Над подвернувшейся строкой:
Сегодня - та,
А завтра - эта,
А можно -
Вовсе никакой.*

Поняв, что Вологодский драматический театр допустил стратегическую репертуарную ошибку, мы начали искать альтернативу «чернухе» и решили взять репертуарный курс на мировую классику и современную драматургию в лице наших вологодских авторов. Если мировая классика всегда являлась репертуарным фундаментом любого театра, то работа с местными начинающими авторами - путь для театра и драматургов напряженный и рискованный. На таком пути на каждую удачу может придтись несколько неудач, и главное, чтобы органы власти и зритель понимали, какую непростую миссию взял на себя театр. Я понимал, что для воспитания хотя бы трех-четырех драматургов необходимо время, процесс может затянуться на несколько лет, что театр обрекает себя на длительную и кропотливую работу. Мы получили поддержку в обкоме КПСС, в то время это было очень важно. Первый секретарь обкома В.А. Купцов одобрил наши действия начать активно работать с Вологодской писательской организацией и порекомендовал позвонить В.И. Белову. Я начал с Василия Ивановича потому, что, кроме него, не знал ни одного вологодского писателя, кто бы занимался драматургией. Звоню и спрашиваю, нет ли у него чего-нибудь для постановки, если нет, может быть, напишет новую пьесу или сделает инсценировку романа «Кануны». Белов ответил, что в его планах нет работы над пьесой, а писать инсценировку романа - дело неблагодарное, и категорически отка-

зался, а также запретил театру привлекать к этой работе других авторов. Но Василий Иванович, по всей видимости, рассказал о нашем разговоре писателям, потому что в ближайшее время у меня в кабинете появились с готовыми пьесами сначала С.Т. Алексеев, а потом и В.В. Коротаев. К сожалению, я тогда не знал, что у А.А. Грязева в портфеле уже есть две очень неплохие пьесы: «Отечески пенаты» и «Одиноким предоставляется общежитие», а сам он почему-то не пришел ко мне.

Мое очное знакомство с Виктором Коротаевым было примечательным и запоминающимся. Тот день для меня был наполнен обилием мелких неприятностей, а мое настроение было чернее тучи. И вдруг телефонный звонок, думаю: ну вот еще одна пакость. Снимаю трубку и слышу:

- Это поэт Виктор Коротаев, у меня есть пьеса, может быть, поговорим?

Оживляюсь и отвечаю, что жду его. Не прошло и нескольких минут, как Коротаев был у меня в кабинете. Шквал искрометного юмора и нескончаемого оптимизма. Звучали какие-то дежурные фразы, свежие анекдоты вперемешку с прибаутками и забавными четверостишиями. В его глазах светилось дружелюбие, но нет-нет да и вспыхивали настороженные вопросы: свой или чужой? что за человек? можно ли иметь с тобой дело? Мое плохое настроение как ветром сдуло, мы общались удивительно легко, как будто знакомы много лет. Виктор сказал, что он хоть и поэт, но заканчивает пьесу «Женская логика», она у него первая и дай бог не последняя. Про себя я подумал, что название звучит интригующе - «Женская логика», и сразу решил: какая бы пьеса ни была, театр ее ставит. Мы договорились о встрече, а так как я совсем не знал его творчества, то попросил Виктора принести вместе с пьесой какой-нибудь сборник его стихов, наиболее характеризующий его самого и его творчество.

Спустя нескольких дней, он пришел серьезный, настороженный и какой-то торжественный. Я понял: он,

наверное, всегда такой, когда расстанется с очередным своим творческим детищем, передавая его в руки непредсказуемых редакторов и издателей. Вместе с пьесой он принес свой сборник стихов «Вечный костер» с дарственной надписью. Я открыл книгу и буквально на первых страницах увидел знакомые строки, до меня дошло: ба, да это же тот самый Виктор Кортаев, о котором с такой теплотой несколько лет назад отзывался В.П. Астафьев!

Россия, белая от снега

И золотая от сосны...

Следы последнего набега

Уже как будто не видны.

Мое решение ставить пьесу укрепилось вдвойне, я рассказал ему о творческом вечере В.П. Астафьева. Он был немного смущен, отнесся даже к моим словам с недоверием, но где-то глубоко внутри был польщен и горд за его оценку. Подумав, он заметил:

- Когда мы с Александром Романовым были в гостях у Виктора Петровича, он как-то сказал нам, что поэзия в его понимании - это напряженные мысли в великих просторах раздумий о страстной и безграничной любви к Родине с горькой или светлой правдой в сердце.

Мы - не на уровне задачи,

Когда, пуская легкий дым,

В кругу

О Родине судачим:

Шумим!

Корим!

Боготворим!

Да, путь ее и многотруден,

И объясним не всякий раз...

Но Русь была,

И есть,

И будет

До нас,

При нас

И после нас.

Прочитав его книгу стихов и пьесу, я понял, что имею дело с очень искренним человеком, маститым поэтом и совершенно незрелым драматургом.

Для начинающего драматурга его ошибки были типичны. Вместо пьесы я увидел очень крепкую повесть в диалогах с ярким языком и глубокими трагическими нотами. Но, к сожалению, драматургии в ней было мало. Зная, как неоднозначно реагируют авторы на замечания, я очень аккуратно и округло начал говорить о недостатках. Виктор прервал меня, сказав, чтобы я не крутил и поведал всю правду, как она есть. Я ему и сказал все, что думаю о пьесе. На его вопрос - ну и что же дальше? - я ответил вопросом: работать будем? Последовал утвердительный и серьезный ответ: будем!

Мы работали с перерывами около года. Виктор, как послушный ученик, постигал теорию драмы. С упорством и без пререканий он очень быстро переписывал сцену за сценой, но каждый раз, принося материал, недовольно ворчал, что приходится рушить такой отличный текст и в результате все получается очень плохо. Прочитав переделанное, я, как правило, отвечал, что с позиции прозы, может быть, стало хуже, но с позиции драмы это даже очень неплохо.

Как поэту, Кортаеву трудно было преодолеть свое поэтическое «Я», оно одинаково звучало в голосах и интонациях практически всех персонажей за исключением образа Катерины Вячеславовны Лазуриной, в котором Виктор смог до конца раствориться. Станислав Куняев говорил: «Его стихи густо заселены определенными судьбами и ликами, среди которых мать, жена, сын, земляки, друзья, недруги, и, конечно же, все эти судьбы как бы растворены в голосе автора и объединены им». Это неоспоримое достоинство поэзии Кортаева, но драматургия требует иного, обратного, подхода, автор должен полностью раствориться в своих героях, при этом сохранив у каждого из них только им присущий голос и свою индивидуальность.

О главной героине, Катерине Вячеславовне, необходимо сказать особо. Работая над пьесой, я попробовал пригладить ее речь, переделать некоторые обороты, заменить слова, как мне казалось, трудно понимаемые го-

О главной героине, Катерине Вячеславовне, необходимо сказать особо. Работая над пьесой, я попробовал пригладить ее речь, переделать некоторые обороты, заменить слова, как мне казалось, трудно понимаемые го-

родскими жителями. Нароботку я показал Виктору, он просмотрел мои правки, нахмурился и жестко сказал, что в образе и речи Катерины Вячеславовны ничего менять не надо и, помолчав, добавил:

- Бабушка была такой и говорила она так.

Он сказал, что этот образ списан с его любимой бабушки Екатерины Вячеславовны. Своим творчеством он обязан ей, потому что она была его главным наставником и поводырем. Бабушка рано научила Виктора читать и привила ему любовь к народному творчеству тем, что знала огромное количество сказок, сказаний, присказок, частушек, причетов. На всю жизнь она заложила в него любовь к красоте родного северного неба, к речке и роднику, к свежевскопанной пашне и скошенному лугу, глухому лесу и колосающему полю, к родной деревне Липовице. Его большой друг и земляк поэт А.А. Романов писал:

*Он выросал под этим небом,
Сиявшим в ельниках глухих.
И стал ему открыт и ведом
Простосердечный русский стих.
Он здесь от бабки Катерины
Воспринимал язык родной,
Вникал в словесные глубины,
Дышал отважной новизной.*

В пьесе «Женская логика» образ Катерины Вячеславовны - воплощение совести, радости и боли за все, что ей дорого: за родную землю и людей, на ней живущих, за любовь и справедливость, за сына и внука, за чужого ребенка и его непутевых родителей. В спектакле Катерину Вячеславовну сыграла блистательная актриса А.К. Леонович. Виктор оказался прав: сокольский диалект героини нисколько не смущал зрителя, звучал напевно и поэтично, и вся она была пропитана глубокой народной мудростью, бесконечной добротой и справедливостью.

Работая над индивидуальными характеристиками других персонажей, Коротаяев хорошо усвоил разницу показа героев в стихе и драматургии.

Первоначальный вариант пьесы составлял свыше 90 страниц текста, что не укладывалось ни в какие сце-

нические временные рамки, необходимо было нещадно сокращать текст. Но, когда дело доходило до сокращений эпизодов, сцен и диалогов, Виктор отстаивал каждое слово, каждую строчку, и у нас из-за этого возникали постоянные разногласия. В конце концов Виктор брался сам править, после этого мы читали пьесу вслух, засекали время, но материал никак не укладывался в необходимые временные рамки. Мне надоели пустые и бесконечные споры, и я на свой страх и риск вырезал ножницами все казавшиеся мне лишними эпизоды, сцены, сценки и диалоги, в итоге пьеса получилась чуть больше пятидесяти страниц. На следующий день я показал Виктору выброшенный текст. Увидев стопу листов и не читая получившегося материала, он вдруг побледнел, забегал по кабинету и замахал руками. Он кипел, как вулканическая лава, и кричал мне в лицо, чтобы я взял ножницы и кастрировал его самого, но не смел поднимать руку на его детище.

- Хватит, мы больше не работаем!
- заключил он, схватил пьесу, вырезанную правку и выскочил, сильно хлопнув дверью.

Через несколько дней Виктор позвонил и смущенно сказал, что я оказался прав, правда, не совсем прав, нельзя же так жестоко поступать с поэтом и его ребенком, а потом добавил:

- Головой понимаю, что надо было сокращать, а сердце не приемлет, ты правильно сделал, что вырезал текст, у меня бы рука вряд ли поднялась. Вскоре он принес вариант пьесы, в котором практически согласился с большинством моих правок. К его достоинству нужно сказать, что он понял: не моя редакторская прихоть, а законы драматургии продиктовали кардинальное сокращение материала.

Доведя пьесу до определенного этапа, я передал ее вместе с автором режиссеру В.Н. Свиридкину. Пока они работали над пьесой, Коротаяев не раз вбегал ко мне в кабинет с криком, что, оказывается, я обошелся с ним и его

пьесой по-человечески, а Свиридкин - садист, изверг и еще Бог знает кто. Виктор успокоился, когда начались репетиции. В конце концов со Свиридкиным и частью постановочной группы он остался на долгие годы в дружеских отношениях. Скажите, а с кем у него не было дружеских отношений?

Пятидесятилетний юбилей Виктора Коротаева совпал с началом репетиций спектакля «Женская логика». Накануне юбилея режиссер Виктор Свиридкин с актером Михаилом Вальтером долго о чем-то спорили. Оказывается, они обсуждали, какой же подарок сделать Коротаеву к дню рождения. Меня заверили, что подарок будет ультратеатральный - при условии, что я им дам машину съездить за город. Я согласился, они приехали почти к самому торжеству, вытащили большую коробку из багажника - и я обомлел: в коробке сидел живой гусь, огромный и гогочущий. Вот с этим гусем мы и пришли в гости к Виктору. Поставили гуся на пороге квартиры, позвонили в дверь, а сами спрятались этажом ниже. Оказывается, только Виктор открыл дверь, гусь тут же по-хозяйски вошел в квартиру и направился в ванную. Через некоторое время мы поднялись, опять позвонили в дверь и застали оторопевших и хлопочущих вокруг гуся хозяев, наливающих в ванну воду, где уже плавал и гоготал наш подарок.

Мы поздравили Виктора какими-то виршами, суть которых заключалась в том, чтобы его поэтический талант не оскудел, ему дарится набор живых гусиных перьев, только успевай затачивать и писать стихи, потому что настоящие стихи пишутся только гусиными перьями и только при свечах. Вместе с гусем мы подарили ему массивную чернильницу из каслинского скульптурного литья. Виктор не без юмора тут же ответил сочиненным четверостишием, что теперь перьев ему на всю жизнь хватит, хватило бы таланту, потом серьезно спросил, что же ему с гусем делать. Мы ответили:

- Сделай жаркое или в деревню отвези.

Недели через две он с хохотом рассказывал, что наш подарок принес ему массу неудобств. Гусь для начала сожрал всё, что осталось от банкетов, довершив трапезу съестными припасами из холодильника. Виктор удивлялся, что гусь ел и пил все без разбора, потом обгадил всю ванну, принять душ стало нелегко. Как только наступала ночь, голодный гусь принимался гоготать и хлопать крыльями, вся семья до утра его кормила и не могла заснуть. Но самое страшное заключалось в том, что семья этого гуся полюбила и никак не хотела из него делать жаркое. Виктор попытался увезти его в деревню, но гусю так понравилась ванна, что он никуда не хотел ехать и устраивал свой гусиный скандал. Дело закончилось тем, что один из друзей Виктора, охотник, порешил гуся. Тушка гуся была положена в морозилку, и через год в день рождения Виктора его жена, Вера Александровна, приготовила для всех нас прекрасное жаркое.

Это было поздней весной того же года. На одной из репетиций Виктор сказал, что в Вологде вода плохая, но на Кремлевской площади есть родничок с удивительно вкусной водой, только его нужно расчистить и обустроить, даже справку из санэпидстанции показал. Вскоре артисты во главе с Мишей Вальтером под теоретическим и духовным руководством Коротаева обустроили родник, обложив его камнями и насыпав песку.

Осенью состоялась премьера спектакля «Женская логика», которую очень тепло встретила публика. На премьере Виктор был искренне рад и горд, что его герои ожили и заговорили его словами. После спектакля он признался, что не думал, какой это адский труд написать и поставить пьесу. Я спросил, будет ли он еще писать для театра. На что получил твердый ответ:

- Никогда!

Работа над пьесой нас сильно сдружила, и до конца его жизни эта дружба сохранилась. Встречаться стали в основном по субботам, когда в семь утра ходили, как Виктор говорил, «по чистому пару» в баню на Мира. Вик-

тор был заядлым парильщиком, он знал много тонкостей банного искусства, большое количество разных травяных настоев для создания душистого и лечебного пара. Но особенно он любил деревенскую баню. В Анисимове на берегу Шексны у него был дом, а рядом с домом - банька, его гордость. О ней даже стихотворение есть:

*Люблю деревенскую баню,
Священный ее ритуал.*

*«Скажи-ко,
Водичку-то, Ваня,
С какого колодчика
Брал?» -*

«С какого...

Да вон, с рядового». -

*«Э-э-э, милой,
Ходил не туда...*

Для баньки хорошей

Основа,

Запомни, -

Речная вода!

Бери на плечо коромысло

И топай, родимый, за ней!»

Вот мы и брали ведра, топали до Шексны, натаскивали воду, а пока топится баня, Виктор приглашал гостей на рыбалку. У него была лодка с маленьким бесшумным электрическим мотором, ее недостатком был огромный и тяжелющий танковый аккумулятор, который от дома до реки, метров двести, чертыхаясь, обязаны были нести гости, а достоинством - что можно тихо подплыть к месту рыбалки без вони и копоты. Рыбалка входила в «обязательную программу» пребывания на даче у поэта Коротяева. Место было, по всей видимости, прикормлено, и окуньки ловилась отменно... Но почему-то только у него или у его сына Саши. Я злился, что у меня не клюет, забирал его удочку, садился на его место, но все равно в основном клевало только у него. Я с восторгом вылавливал пять-шесть рыбешек, тогда как он штук двадцать. Он тихо смеялся в усы и говорил, что даже в речном царстве-государстве у него блат и знакомства. После двух-трех часов кормления комаров мы, довольные, что на уху все-таки наловлено, возвращаемся в деревню. К этому времени и банька поспела.

*А веник запарен весенний,
В предбаннике даже жара.
«Каких еще вам наслаждений?» -
«Достаточно, братцы,
Пора!»*

*И - самая первая ходка
Сравненья не вижусь честней:
И спирт,*

И, конечно же, водка

Ничто по сравнению с ней.

От пара

Задрыгает крыша,

На каменке

Камень рванет,

И тело задьшит,

Задьшит

И на пол

Само упадет.

А ходка вторая и третья

Едва ль выразимы в словах:

Там только

Одни междометья,

То - «Ох!»,

То - особенно

«Ах!»

Между второй и третьей ходками и обливанием колодезной ледяной водой Виктор вел завернутую в простыни компанию показывать свою огородную гордость - огурцы и помидоры. Их он выращивал сам и никому не доверял за ними уход. Огурцы и помидоры получались на самом деле отменные, особенно помидоры: огромные, граммов по 400-500. Он этим очень гордился.

После огородной экскурсии все возвращались в баню. Особенность его парения заключалась в том, что для каждой ходки у него были свои веники. Первая ходка - разогрев без веника, вторая - веник дубовый, третья - веник березовый, а четвертая и последняя - с липовым или эвкалиптовым веником. Он обязательно мылся водой после запарки веников. Голову мыл березовым настоем, чтоб помыслы были чистыми и светлыми, как он говорил, а тело сначала - дубовым для силы, особенно мужской, а потом для здоровья липовым или эвкалиптовым. Веники у Виктора были на любой вкус: и березовые, и дубовые, и липовые, но больше всего он любил эвкалиптовые - эти веники хорошо дух

держали и были «долгоиграющими». Они и вправду служили несколько походов в баню. Их он специально привозил из Пицунды, где очень любил отдыхать и куда ездил чуть ли не каждый год. Эвкалиптовый веник имеет особый аромат, очень нежно, но глубоко обихаживает, а при простуде он просто незаменим, первое лекарство.

Когда мы появлялись в бане на Мира, знатоки парилки спрашивали, принесли ли мы эвкалиптовый веник. Один мужичок все донимал Виктора, где он берет такие чудо-веники. А Витя простодушно отвечал, что одного его знакомого поэта выслали в Австралию, так он всем своим друзьям в Союзе шлет посылки с вениками, потому что, кроме эвкалиптов и крокодилов, в Австралии больше ничего нет. И тот ведь верил, но каждый раз спрашивал и каждый раз получал один и тот же ответ и опять верил, ведь это сказал Витя Коротаев. Главным баннным достоинством Виктора было то, что ни до бани, ни в бане, ни после бани он не пил ничего, кроме чая и кваса. Только в деревне после двух-трех часов послебанного отдыха во время позднего ужина с удовольствием выпивал несколько чарок водки.

Виктор сильно переживал начавшуюся в начале 90-х годов абхазскую войну, ведь Абхазию он сильно любил.

*Я ночевал под старым виноградом,
Что для хозяев был как свой лесок.
А поутру я чувствовал, как рядом
Тугие гроздьи добирали сок.
Еще с полузакрытыми глазами,
Не скидывая тонких покрывал,
Чуть приподнявшись,*

*влажными губами
Я дымчатые ягоды срывал.*

Он сильно огорчался, что больше не может ездить в Пицунду, где ему не только очень хорошо отдыхалось, но и работалось. Оттуда он привозил много новых стихов, в одну из поездок - полностью переделанный вариант пьесы «Женская логика».

О морской рыбалке он рассказывал с восторгом. Виктор любил выезжать на лодке далеко в море и ловить там

катрана - черноморскую акулу. Он очень гордился своими уловами, а его копченый катран был отменный. После возвращения из Пицунды он, как правило, привозил мне пару эвкалиптовых веников и копченого катрана. Как-то из своих рыбацких запасов я подарил ему особую волжскую самодельную блесну для придонного лова крупного и очень крупного судака, жереха, щуки и сома и большие осетровые крючки. Почему-то он называл их браконьерскими. Он рассказывал, что моя блесна и крючки просто волшебные, но, к сожалению, на них почему-то цеплялись только огромные экзemplяры, которые постоянно обрывали у него леску. Про морскую рыбалку он мог рассказывать часами.

*Ветер над водой рванул крепчая -
Обнажились каменные лбы.
И в полкилометре от причала
Волны ставят лодку на дыбы.
Древняя добытчиков работа...
И набухнут сами желваки,
Коль недосчитаются кого-то,
Выбравшись из шторма,
Рыбаки.*

Я посоветовал ему написать серию рассказов о рыбалке, он посмеялся и грустно отмахнулся:

- На стихи времени нет, а ты - рассказы.

В то время Виктор много и трудно работал над документальной повестью о Николае Рубцове «Козырная дама», был сильно занят в своем издательском бизнесе «Вестник» и в газете «Русский огонек». О своем бизнесе он говорил, что делает деньги, которых никогда нет, а если появляются, то почему-то их всегда не хватает, и непременно со смехом прочитает Николая Рубцова:

*Стукну по карману - не звенит,
Стукну по другому - не слышать.
Если только буду знаменит,
То поеду в Ялту отдыхать...*

Года через два или три, накануне банного дня, он позвонил, чтобы узнать, пойду ли я париться, и как бы между прочим сказал, что начал писать пьесу о Рубцове. Я спросил: а как же твое твердое «нет» театру? Он от-

ветил, что давно наблюдает за артистом Валентином Трущенко, а тут на днях увидел его в спектакле и понял, что тот очень сильно похож, и не только внешне, на Николая Рубцова.

*Повторял он коллегам упрямо,
Как на стенку бетонную*

Лез:

*«Все вы гении,
Если я пьяный,
Все вы бездари,
Если я трезв».
Не бранили его
И не били,
Оскорбленно
Брались за дела.*

*Понимали,
Бесясь от бессилья:*

В этом

Вправду «сермяга» была.

Я спросил:

- Ну что, начинаем работать?

Он ответил:

- Начинаем!

И рассказал про одну сцену из первого акта. Она была великолепно придумана и продумана. Ее действие разворачивалось на вологодском вокзале, где Рубцов в компании простых работяг-шабашников скрашивает опоздание поезда за разговором, чтением стихов и распитием свое любимого красненького винца. Потихоньку вокруг собирается любопытный народ послушать бесплатный концерт, у кого-то наплась гармонь - и на весь вокзал полились рубцовские песни, невольные зрители и грустят, и смеются, пытаются нестройно подтянуть хором песни. Какая-то женщина очень уверенно и верно поет одну из песен, видно, не раз слышала ее. Рубцов и его песни всем очень нравятся. В самый разгар «концерт» прерывает милиция, за шум и распитие спиртных напитков всю компанию арестовывают, мужчины-зрители тихо пасуют, чтобы не попасть самим в милицию, а зрительницы пытаются вступить за Рубцова и его товарищей, особенно та, что знала его песню. Но бесполезно. В отделении, отвечая на формальные вопросы, он гордо говорит, что является поэтом Николаем Рубцовым, что едет в Мос-

кву сдавать свою новую книгу. На это ему отвечают:

- Ну и что, мало ли тут по Вологде и вокзалам поэтов шляется и водку хлещет.

Рубцов задумчиво произносит:

- Водку я не люблю, а вот от красненького не откажусь... После моей смерти, через много лет, мне, может быть, памятник поставят, а вы будете гордиться тем, что арестовывали меня, будете об этом рассказывать корреспондентам и внукам. Показания же, написанные мной собственноручно, обязательно сохраните, потому что они попадут в музей моего имени.

Весело, смешно, грустно и трагично.

За окнами мечется вьюга,

Сквозит предрассветная мгла.

Душа одинокого друга

Такой же бездомной была.

И мне потому - не иначе -

Все кажется, если темно,

Что кто-то под тополем плачет

И кто-то скребется в окно.

Не раз ведь походкою зыбкой,

То весел, то слаб и уныл,

Он с тихой и тайной улыбкой

Из вьюги ко мне приходил.

В тепле отогревшись немножко,

Почти не ругая житье,

Метельные песни ее

Играл на разбитой гармошке.

Гудела и выла округа,

Но он вылезал из угла.

И снова холодная вьюга

Его за порогом ждала.

И слышало долго предместье,

Привычно готовясь ко сну,

Как их одинокие песни,

Сближаясь,

Сливались в одну...

Сцена мне очень понравилась. Я рекомендовал Виктору в обязательном порядке продолжить работу и сказал, что из такого материала может получиться прекрасная пьеса, но ни в коем разе он не должен делать Рубцова выдающимся поэтом современности, Рубцова надо показать обыкновенным человеком, со всеми присущими простому человеку радостями и горестями. Зная Валентина

Трущенко не только как прекрасного, тонко чувствующего актера, но и как думающего режиссера, посоветовал Виктору начать работать над пьесой вместе с ним. Позже я несколько раз спрашивал его и Валентина, как продвигается работа, но они как-то уклончиво отвечали. Коротаяев говорил, что у него на творчество совсем нет времени, а издательство и газета отнимают все силы, Трущенко же говорил, что Виктор никак не несет готовый материал. Я понял, что допустил ошибку, потому что посадил за один рабочий стол две яркие неординарные и талантливые личности, но, к большому сожалению, в работе мало-совместимые в силу особенностей их характеров. В жизни они дружили, но работать вместе не могли. Жалко, что они не нашли общий язык и спектакль о Рубцове не состоялся. Я предложил Виктору продолжить работу над пьесой вместе со мной, но он ответил, что время ушло, и он устал от этой для него тяжелой темы, может быть, когда-нибудь в будущем он вернется к ней.

Работая над статьей, я узнал от жены поэта В.А. Коротаяевой, что Виктор все-таки написал пьесу о Рубцове, назвав ее «Задуманная песня». Почему он не показал ее мне, я не знаю. Может быть, Виктор не верил, что постановка его пьесы может осуществиться, потому что не доверял театру, который с моим уходом резко поменял курс и вернулся «на круги своя», проигнорировав накопленный опыт работы с вологодскими авторами. Он видел, что даже великолепную пьесу В.И. Белова «Семейные праздники» театр отказался ставить.

В жизни, кроме совместной работы над пьесой, нас связывала дружба. Нам нравилось просто встречаться и общаться. Это, по всей видимости, происходило потому, что наши характеры были очень разными и сильно дополняли друг друга. Наши друзья и знакомые часто говорили, что внешне мы удивительно похожи, хотя, когда мы вставали рядом, очень большой схожести никто не наблюдал, но нас все равно путали даже

близкие знакомые, а иногда и родственники. На пляже в начале Ленинградской ко мне постоянно подходили разные люди и говорили:

- Витек, послушай, я тебе такую историю расскажу, напишешь - Ленинскую премию получишь.

И начинался банальный рассказ из личной жизни о том, как кого-то жена бросила, кто-то сам от жены ушел, как попал по пьяни в милицию, как на рыбалке поймал невероятно огромную рыбку, что-то наподобие акулы, а на охоте руками задавил кабана. Я сначала говорил, что я не Витек, но потом понял, что объяснять, почему мы так похожи, - это втягивать себя в очередной банальный рассказ. Когда же я говорил, что мы с Коротаяевым двоюродные братья, этому охотно верили и быстро отставали, передав Витьку привет.

Во времена сухого горбачевского закона около винных магазинов выстраивались огромные очереди, и похожесть на Виктора помогала мне брать спиртное без очереди. А происходило это так. Почти всегда, независимо от района города, стоило мне встать в очередь, как через некоторое время подходил какой-нибудь мужичок и громогласно объявлял, что в очереди стоит великий вологодский поэт Виктор Коротаяев, и задавал вопрос, может ли великий человек, написавший столько хороших стихов, стоять в очереди вместе со всеми. Очередь соглашалась, что такого не должно быть, и меня чуть ли не силой вели к двери магазина, а там уже мужичок кричал:

- Дорогу Виктору Коротаяеву!

Люди расступались. После этого мне ничего не оставалось делать, как звонить Виктору и приглашать в гости на чарку, так как благодаря его популярности я без проблем приобретал спиртное. Он громко смеялся и соглашался прийти, а потом тоже со смехом рассказывал, как мои знакомые кидаются к нему на шею, говоря, что тысячу лет меня не видели. Это были прелестные застолья, Виктор был гурманом, любил хорошо и вкусно покушать, и я готовил что-ни-

будь из «мужских блюд». За водочкой было многое сказано и рассказано про театр, литературу, историю, поэзию, драматургию, рыбалку, грибы, лес, пасеку, много прочитано стихов и прозы. Он любил читать новинки, еще никому не известные стихи, как бы обкатывая их на слушателе. Я уверен, что он это делал много раз в других компаниях, выясняя, пришлась ли по душе новинка.

Меня поражала его всевологодская народная известность, любовь и уважение. От самых простых работяг и до самых известных людей Вологодчины его считали своим, а стихи знали и очень любили. Некоторые близкие друзья в шутку называли его «Витаминычем», он не обижался и, смеясь, говорил, что любой спелый фрукт или овощ напитаны солнцем, а это сплошные витамины, которыми они щедро делятся с людьми, а он с ними делится очень хорошими стихами. Виктор не стеснялся своего творчества, он был уверен, что пишет на радость людям, а его стихи надолго переживут его самого. Так оно и случилось.

Года через два или три после смерти Коротаева я заметил, что одна пожилая уборщица из Законодательного Собрания постоянно со мной здоровается. Я спросил ее: разве мы знакомы? Она ответила:

- Да, знакомы, помните, Виктор Вениаминович, вы меня поздно вечером на дороге подобрали и до моей деревни подвезли.

Я ей сказал, что я не Виктор, но очень хорошо его знал, что Виктор умер несколько лет назад. Она запричитала и сквозь слезы сказала:

- Как жаль, хороший был человек, он такие солнечные стихотворения писал!

Я тогда удивился тому, что простая женщина, по всей видимости, малообразованная, нашла такое точное определение поэзии Виктора Коротаева.

*Милый друг мой,
Прощаясь навеки,
В нашей горькой и смертной судьбе
Всею силой, что есть в человеке,
Я желаю покоя тебе.
Оставаясь покамест на свете,
Я желаю у этих могил
Чистых снов, тишины
и бессмертья.*

И любви.

Ты ее заслужил.

Это стихотворение Виктор Коротаев посвятил памяти Николая Рубцова, но его в полной мере можно отнести и к нему самому. Как пронзительно оно звучит сейчас, в год, когда уже десять лет с нами нет большого и светлого поэта, доброго и веселого человека, преданного друга.

Благодарю жену поэта, Веру Александровну Коротаеву, за оказанную помощь при работе с материалами и фактами из личного архива Виктора Вениаминовича Коротаева.

Любим ПОЗДНЯК, театровед